

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

на диссертацию Ксении Игоревны Дубовенко
«В. А. Жуковский и западная духовно-назидательная словесность»,
представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук.

Специальность 10.01.01 – русская литература

Сформулированная диссертантом проблема «В.А. Жуковский и западная духовно-назидательная словесность» представляется актуальной в силу нескольких обстоятельств. Во-первых, материал, которым автор обогатил традицию исследований Жуковского, позволяет дополнить библиотеку поэта систематизацией его обращений к образцам западной духовно-назидательной словесности и введением в научный оборот обнаруженных автографов. Во-вторых, работа открывает широкие возможности для осмысления многоаспектной рецепции русским романтиком западноевропейской, в особенности, немецкой культуры: представленной, с одной стороны, трудами консерваторов «старой Европы» на религиозную и моральную темы, с другой стороны – реальным историко-политическим контекстом штудий Жуковского: волной революций, охватившей крупнейшие европейские страны. В-третьих, ярким достоинством рецензируемой диссертации является освещение малоизученных страниц духовной жизни Жуковского 1840–1850-х гг., той внутренней лаборатории поэта, в которой создавались его поздние программные произведения. В-четвертых, важным результатом исследования стало осмысление поэтической семантики оригинальных немецкоязычных стихотворений Жуковского, представляющих собой не только художественный эксперимент, но и являющихся частью культурного быта эпохи. Характерно, что все рассматриваемые в этой связи тексты выполнены в жанре послания, адресованы представителям светского круга общения поэта и, таким образом, включены в контекст контактов русского и западноевропейских дворов. Наконец, К.И. Дубовенко вносит значительный вклад в осмысление жизнетворческого сценария Жуковского после официального завершения им наставнической деятельности и отъезда за границу, т.е. именно того периода, который традиционно вызывает со стороны биографов поэта больше всего разночтений. Так, К.К. Зейдлиц, характеризуя «третий период» жизни и творчества

Жуковского (т.е. 1841–1852), констатирует, что «скоро почувствовал поэт и разлад с самим собою. Новая жизнь не вязалась с тем, что составляло внутренний мир его, не шла к тому, что выработалось в нем, с чем он сжился – она отрывала его от прежних образов, связей и мечтаний»¹. П. Загарин (Л.И. Поливанов) характеризует тот же период совершенно иначе: «И вот этих-то конвульсий мы не видим на спокойном лице Жуковского. Правда, в нем много грусти и утомления, но в глазах его горит глубокое пламя души чистой и чем-то укрепленной»². А А.Н. Веселовский резюмирует: «И в эту-то классическо-библейскую жизнерадостность вторгалось печальное *memento mori*: семейное счастье далось поздно, ненадолго; вот почему Жуковскому почуялась в Гомере меланхолия неизбежной утраты, и он спасался от нее в “святую” прозу своих духовно-нравственных размышлений, отрываясь от идиллии Одиссеи»³. Очевидно, что именно документальные свидетельства внутренней жизни Жуковского и его круга чтения 1841–1852 гг. способны дополнить летопись жизни и творчества поэта, а также точнее выявить характер жизнеописательных стратегий биографов русского романтика.

Как известно, Жуковский принадлежит к тому небольшому числу национальных классиков, которые осваивали пространство европейской культуры не «заочно», а органично включаясь в культурную среду других государств. Как показывают последние исследования, наиболее плодотворное взаимодействие сложилось у поэта с немецкой культурой, что обусловлено и акцентами его переводческой деятельности, и несколькими заграничными путешествиями в «Германию туманную», и семейными связями – как самого Жуковского, так и его ближайшего круга – дерптского, придворного и т.д.

Композиционная логика диссертации полностью соответствует заявленным цели и задачам исследования. Первая глава посвящена восприятию Жуковским западной духовно-назидательной словесности XVI–XIX вв. и исследованию помет в этих сочинениях в личной библиотеке поэта. Диссертант тщательно изучает и ком-

¹ Зейдлиц К.К. Жизнь и поэзия В.А. Жуковского. 1783–1852. По неизданным источникам и личным воспоминаниям. СПб., 1883. С. 172.

² Загарин П. В.А. Жуковский и его произведения. М., 1883. С. 579.

³ Веселовский А.Н. В.А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». СПб., 1904. С. 432.

ментирует историю чтения Жуковским трудов немецких богословов – И. Арндта, Г. Мюллера, Т. Клифота, И.Э. Фейта и антологии «Библейский рождественский подарок для взрослых и детей». Важным представляется наблюдение диссертанта о том, что в богословских трактатах Жуковского привлекают, в первую очередь, возможности житетворческого освоения христианства – «практического внедрения духовной практики в повседневность» (с. 28). В связи с этим интересно рассмотреть духовные штудии Жуковского в контексте семейного быта и той роли, которую сыграла супруга поэта в определении круга и специфики его чтения 1840-х гг. Тем более что, как отмечает автор рецензируемого исследования, выбор Жуковского зачастую падал на сочинения, легко входившие в домашний обиход – молитвы и календарную духовную литературу (с. 41, 44, 64). Заметим, что среди авторов духовно-назидательной словесности, в сочинениях которых К.И. Дубовенко исследует пометы Жуковского, преобладают единоверцы Елизаветы Жуковской-Рейтерн. Иоганн Арндт – лютеранский богослов, Генрих Мюллер – лютеранский теолог, Теодор Клифот – представитель неолютеранства, а исключение составляют только труды католика И.Э. Фейта (впрочем, известно, что с середины 1840-х гг. Елизавета Жуковская задумывалась о переходе из лютеранства в католичество). В письме А.П. Елагиной от 20 января 1847 г. Жуковский сетовал на «нервическое расстройство» жены, которое «грызет ее тело, и еще более грызет ее душу. Физическая тоска душит ее и производит в ней беспрестанный страх смерти; при этом страдания самые несносные, все убивающая, нравственная грусть вытесняет из ее головы все прежние мысли и из ее сердца все прежние чувства, так что она никакой нравственной опоры найти не может ни в чем...»⁴. Отсюда возникает вопрос: какую роль играла Елизавета Жуковская в освоении поэтом западной, преимущественно немецкоязычной лютеранской духовно-назидательной словесности? Иначе говоря, нельзя ли предположить, что характер чтения Жуковского можно назвать не только «автобиографическим, поскольку поэт выделяет внутренне близ-

⁴ Переписка В.А. Жуковского и А.П. Елагиной: 1813–1852 / Сост., подгот. текста, ст. и коммент. Э.М. Жиликовой. М., 2009. С. 559.

кое» (с. 31), но и ориентированным на язык и мировоззрение его юной супруги, поиском «нравственных подпор» не только для себя, но и для нее?

Вторая глава диссертации описывает следующий шаг восприятия духовно-назидательной литературы и демонстрирует движение от активного усвоения духовных сочинений Жуковским-читателем к составлению собственных выписок-«экстрактов» (с. 62), в которых значимые тезисы из книг дополняются собственными размышлениями по той или иной теме. Помимо значимости этой главы исследования для восстановления деталей внутренней жизни поэта 1840–1850-х гг. необходимо отметить весомый вклад этих разделов диссертации в историю возникновения замысла и создания поэтического завещания Жуковского – поэмы «Странствующий жид». Так, публикуя и комментируя выдержки из трудов немецкого проповедника XIV в. И. Таулера в поздних записных книжках поэта, К.И. Дубовенко убедительно доказывает, что восприятие Жуковского-читателя концентрируется вокруг идеи благого страдания (с. 65), а одной из стратегий творческого освоения оригинала является поэтизация первоисточника (с. 67). Еще одним связующим звеном между духовными штудиями и художественными опытами русского романтика стала, как показывает диссертант, работа немецкого гебраиста А. Айзенменгера «Разоблаченный иудаизм», прочитанная Жуковским в свете его Иерусалимского проекта и замысла поэмы об Агасвере.

В третьей главе, посвященной «Символу веры», автопереводам и стихотворным посланиям, К.И. Дубовенко реконструирует корпус немецкоязычных источников, находившихся в поле зрения Жуковского, в контексте его духовной жизни конца 1830–1850-х гг. Здесь диссертант делает важное наблюдение о взглядах поэта на роль церкви, которую она играет не только для отдельного человека и его семьи, но и для государства как института. Церковь «проповедовала верность царям и основывалась на том, что сия верность есть устав Божий» (с. 103). Демократическим вариантом пояснения этой взаимосвязи веры и природы царской власти становится обратный перевод «Сказки об Иване царевиче и Сером Волке», в которой Жуковский не только «отразил личные впечатления <...> от пребывания при дворе русских императоров» и «идеал отношений царского сына с наставником» (с.

125), но и подчеркнул набожность персонажей (с. 122–125) и главного героя (с. 126).

Говоря о работе К.И. Дубовенко в целом необходимо отметить, что сформулированные в исследовании научные положения и выводы отличаются достоверностью и высокой степенью обоснованности. Диссертация опирается на мощную источниковедческую базу, в частности, 12 автографов на русском и немецком языках публикуются впервые. Рукописные источники, зачастую нуждающиеся в переводе и погружении в историко-культурный контекст эпохи, обеспечивают бесспорную новизну исследования и позволяют сделать ряд ценных наблюдений о жизнестворчестве и художественных произведениях позднего Жуковского, прояснить динамику его духовной жизни и политической позиции. Как и всякая новаторская работа, вводящая в научный оборот интересные материалы, диссертация К.И. Дубовенко вызывает у читателя ряд встречных вопросов.

1. Как корреспондируют скрупулезное освоение Жуковского западной духовно-назидательной словесности и чтение им национальной духовной литературы, о внимании к которой в это время свидетельствует, по наблюдению самого диссертанта, написание «молитвы» «Всесилен Бог, Пред Ним всесильна вера...», источником которой является сборник русских житий и поучений (с. 107)?

2. Как соотносится интерес Жуковского к западной духовно-назидательной словесности с поздними публицистическими сочинениями поэта и шире – с его историко-политической позицией 1840–1850-х гг.?

Кроме того, хотелось бы высказать несколько замечаний. При очень высокой библиографической и источниковедческой культуре соискателя досадной оплошностью выглядит пропущенная архивная ссылка на послание к графине О.П. Бобринской (с. 139). Анахронизмом выглядит утверждение, что И.Р. Эйгес и Ц.С. Вольпе «поддерживают» предположение, сформулированное Б.К. Зайцевым (с. 132–133), т.к. литературная биография, принадлежащая перу писателя-эмигранта, написана существенно позднее работ указанных исследователей. Разумеется, данные замечания имеют частный характер и не могут поставить под сомнение высокий уровень диссертации К.И. Дубовенко.

Итак, всё сказанное позволяет заключить, что диссертация «В. А. Жуковский и западная духовно-назидательная словесность» представляет собой научно-квалификационную работу, в которой содержится решение задачи, связанной с выявлением житнетворческих сценариев писателя середины XIX в., опыта освоения им духовного наследия консервативной Европы в контексте культурных и политических потрясений эпохи, установлением взаимосвязей между читательским опытом литератора и его творческой лабораторией. Диссертация выполнена на обширном печатном и архивном материале. К исследованию привлечен широкий историко-культурный контекст, включающий в себя как культуру немецкого «духовного бидермайера», так и историю религиозных исканий Западной Европы XIV–XIX вв. Данная задача является приоритетной для развития современного отечественного литературоведения. Работа соответствует требованиям, изложенным в действующем «Положении о присуждении ученых степеней», а ее автор, Ксения Игоревна Дубовенко, заслуживает присуждения ей искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

23 октября 2017 г.

Анисимова Евгения Евгеньевна,
 доктор филологических наук,
 10.01.01 – русская литература,
 доцент кафедры русского языка,
 литературы и речевой коммуникации
 Института филологии и языковой
 коммуникации Федерального
 государственного автономного
 образовательного учреждения высшего
 образования «Сибирский федеральный
 университет», 660041, г. Красноярск,
 проспект Свободный, 79, <http://www.sfu-kras.ru>
 (391) 244-86-25, (391) 206-26-85, mail.lirk@mail.ru

ФГОУ ВО СФУ
 Подпись *Анисимова*
 заверяю
 Начальник общего отдела
 23 10 2017 г.